

1848 г. В. Г. Белинский 1948 г.

Философ-революционер

О МИРОВОЗЗРЕНИИ В. Г. БЕЛИНСКОГО.

Имя В. Г. Белинского стоит в ряду наиболее славных имен выдающихся сынов великого русского народа. Белинский — один из создателей классической русской материалистической философии, социалист-утопист и революционер-демократ. На его философских и литературно-критических произведениях учились служению народу многие поколения революционной молодежи в России.

Он жил, мыслил и боролся за передовые идеи в мрачную пору николаевского диктаторства. Но вопреки тяжелому политическому гнету той поры, душному, всякому проявлению свободной общественной мысли, Белинский высоко поднял знамя передового мировоззрения и активного преобразования общественных отношений.

Вся его жизнь была непрерывным поиском правильной теории, научного мировоззрения, которое помогло бы осветить пути борьбы за счастье народа, за его освобождение от векового гнета крепостников.

I.

Ленин отнес Белинского к числу тех лучших людей в России, чья мысль «под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всеми — каждым — «последним словом» Европы и Америки в этой области» (Соч. т. XXV, стр. 175).

Формирование мировоззрения В. Г. Белинского шло сложным путем по восходящей линии от идеализма к материализму, от абстрактных идей субъективно-нравственного совершенствования личности и абстрактного просветительства к революционному социализму и утопическому социализму.

Любители абстрактных схем обычно характеризовали Белинского, как простого подражателя западно-европейским философам, а философскую эволюцию его вписывали в прокрустово ложе схемы развития немецкой философии: сначала, де, Белинский был шеллингианцем, затем фихтеанцем, после чего гегельянцем, а закончил свою жизнь феербаховцем. Нет ничего глупее и вреднее, чем это представление, плод рабской и низкопоклоннической перед иностранщиной.

На самом деле В. Г. Белинский выработал свои философские взгляды под влиянием прогрессивных идей русских мыслителей XVIII и начала XIX века — Ломоносова, Радищева, именами которых он гордился, а также и под влиянием своего друга и современника Герцена. И если не сомненно то, что Белинский в юности стремился найти в философии Шеллинга, Фихте и Гегеля зерно истины, то также не сомненно и то, что в глазах этих философов он относился весьма критически.

Так, увлекался идеей Фихте о необходимости создания действительной философии. Белинский расходился с Фихте в том, что сознание не только созидает действительность, но и творит ее. Он писал: «...Дело сознания разума — созидать действительность, а не творить ее».

В период знакомства с философией Гегеля Белинский одно время придерживался неправильного однобокого понимания гегелевской формулы «все действительное разумно, все разумное — действительно».

«Белинский, — писал Герцен, — самая деятельная, порывистая, диалектическая натура бойца, проповедывавшая тогда индийский покой созерцания, и теоретическое изучение вместо борьбы».

Но период известного примирения Белинского с действительностью оказался недолгим. Уже в 1840 году Белинский увидел свою ошибку и решительно порвал с пассивным созерцательным отношением к действительности и с идеализмом. «Я давно уже подозревал, — писал Белинский, — что философия Гегеля, — только мент, хотя и великий, но что абсолютность ее результатов никуда не годится, что лучше умереть, чем примириться с ними».

К 1844—1845 гг. Белинский становится материалистом в понимании явлений природы, творцом новой материалистической теории искусства, страстным борцом против самодержавия и социализмом-утопистом. Именно тогда он подверг суровой критике немецкую идеалистическую философию, в особенности спекулятивную философию идеализма Гегеля с ее мистикой самозависимости абсолюта, с ее реакционными социальными политическими выводами. «Гегель мечтал о конституционной монархии — какое узкое понятие! Нет, не должно быть монархий!» — восклицал Белинский.

II.

Белинский во многом преодолел абстрактный и мистифицированный характер, замкнутость гегелевской идеалистической диалектики.

Н. Г. Чернышевский впоследствии с гордостью говорил: «Тут в первый раз умственная жизнь нашего общества произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в системе их учеников, как это было прежде... Белинский и

главнейшие его сподвижники стали людьми вполне самостоятельными в умственном отношении». Белинский гораздо глубже понимал диалектику, чем сам Гегель. Он не был согласен с Гегелем в том, что природа не развивается во времени, что она вращается только по кругу, не порождая ничего нового. Белинский считал, что движение и развитие происходит в природе поступательно, от низшего к высшему, от простого к сложному. Жизнь — это «есть не что иное, как беспрерывно движущееся развитие, беспрерывное формирование».

Белинский понимал, что развитие есть борьба внутренних противоположностей, хотя и не формулировал это в ясной форме.

Оставшаяся мысль о прогрессивном развитии общества, он пришел к выводу, что источник развития — в борьбе противоположностей. «Борьба эта необходима, — писал Белинский, — она есть процесс развития».

Диалектическое движение и развитие, по мысли Белинского, не может остановиться.

Борьба старого и нового составляет сущность и внутренний импульс жизни, источник всякого движения, всякой действительности, в которой новое прокладывает себе дорогу. Без отрицания старого новым не было бы никакого прогресса, — говорил Белинский, — «история человечества превратилась бы в стоячее и болотное болото». («Письма» т. II, стр. 186).

Но он понимал, что для того, чтобы силы отрицания, силы прогресса не были растрачены попусту, необходимо сообразоваться с исторически сложившимися условиями. Время, место и обстоятельства должны непременно учитываться при решении любого вопроса.

Под категорией диалектического отрицания Белинский подводил политические перевороты, совершаемые массами революции. Они рассматривались Белинским как закономерные, а не случайные явления.

Развивая мысли об источниках развития, Белинский поднялся на огромную высоту в истории человеческого мышления. Ставил он диалектику на службу обществу прогрессивных сил, он вооружал эти силы верой в неотвратимость победы нового над старым, прогрессивного над реакционным.

III.

Белинский, как и Герцен, рассматривал диалектику Гегеля как «аггрегат революции». Вместе с тем он считал материализм единственно правильным мировоззрением, дающим научную основу для объяснения действительности и для ее революционного преобразования. В материализме он видел теорию, которая дает возможность освободить общественную науку от тлетворного влияния идеалистической немецкой философии с ее мистикой туманных абстракций и метафизикой.

Материалистические взгляды Белинского выработались под влиянием материалистических идей Ломоносова, Радищева, Герцена и Фейербаха. Однако его материализм не тождествен ни стихийному механистическому материализму Ломоносова, ни антропологическому материализму Фейербаха.

Материализм Фейербаха был созерцательным, не действенным. Фейербах рассматривал человека абстрактно, как биологическое существо. Белинский же рассматривал человека не только как существо биологическое, но и как существо общественное. Белинский писал, что «хотя человек — существо природы, но развиваясь и образуя его общество». Ему была чужда феербаховская наддоловая точка зрения. Он придавал большое значение делению общества на классы, хотя и неправильно выводил борьбу классов из сословного деления общества, из различия воспитания.

Конкретно-исторический подход к человеку позволил Белинскому избежать многих ошибок, которыми страдал созерцательный материализм Фейербаха.

Белинский, в отличие от Фейербаха, считал движущей силой развития общества не религию и не мораль, а народ и его «материальные нужды». Из этого видно, что Белинский не считал теорию познания Фейербаха способной удовлетворить потребности современной науки.

Белинский правильно решал основной вопрос всякой философии — вопрос о первичности материи и вторичности сознания. «Самые отвлеченные умственные представления, — писал он, — все глупее и не иное что, как результат деятельности мозговых органов, которым присущи известные способности и качества».

Это вполне материалистическое решение основного философского вопроса. Исходя из этого, Белинский вел решительную борьбу против идеализма и клерикализма.

IV.

В вопросах теории познания взгляды Белинского на всем пути

его философской эволюции также претерпели большие изменения. В начале своей деятельности Белинский считал, что познание человека совершается с помощью присущих разуму априорных (данных до всякого опыта) форм мысли. Значит, не чувственного момента в познании Белинский в то время недооценивал. Но уже в 1837—38 гг. Белинский высказывается за единство чувственного и рационального момента в познании, причем чувственное, опытное познание фактов должно, по его мнению, служить исходным для теоретических рассуждений: «Без знания фактов невозможно и разумение их, потому что когда нет фактов, как данных, как предметов знания, тогда нечего и уразумевать».

Белинскому было чуждо метафизическое понимание истины. Он считал, что истина складывается постепенно, по частям, а не вырывается целиком из человеческого разума. Человеческий разум вселивается, он может и должен познавать внутреннюю сущность предметов природы, распознать истинность и внутреннюю закономерность развития явлений природы. Белинский решительно отвергал метафизические теории немедленных идеалистов, выдававших свои системы за абсолютные истины в последней инстанции.

Одновременно Белинский подвергал жесткой критике представителей скептицизма и агностицизма, отрицавших объективность и достоверность знания.

«Нужная истина состоит в единстве противоположностей», — писал Белинский и, настаивая на условности, временном характере каждого отдельного научного положения, доказывал, что в каждом таком положении (если оно действительно научно) содержится зерно достоверной истины.

Таким образом, вопрос познания мира, достоверности человеческих знаний и границ познания мира решался Белинским материалистически.

Он считал, что познание должно проверяться опытом, что действительность должна быть мерой явления духовного мира, как золото — мерой материальных.

Теория познания, как и диалектика, у Белинского была неразрывно связана с его революционно-демократической деятельностью, которую он вел против царизма и крепостничества. Однако Белинский не дошел до понимания роли практики, как критерия познания, не дошел до признания первенства практики над теорией. В этом и состоит главный недостаток материализма Белинского, как и всего домарковского материализма.

V.

Белинский в силу тогдашней отсталости России не смог распространить свое материалистическое понимание природы на познание жизни и развитие общества.

Идеализм Белинского выразился в том, что движущей причиной развития общества он считал развитие просвещения в народе, развитие нравственных понятий о долге, любви и Родине. Хотя Белинский и оставался в общем идеалистом в понимании истории человеческого общества, он высказывал многие догадки, приближающие его к историческому материализму. В этом сказалось влияние на него идей Маркса и Энгельса.

В январе 1845 года Белинский ознакомился с «Немецко-французскими ежегодниками» со знаменитыми статьями Маркса «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права», где Маркс заявил, что «философия составляет «могилу» пролетариата, а пролетариат — «сердце» и что идеологическую критику старого общества нужно заменить критикой оружием. Там же была напечатана статья Энгельса по вопросам политической экономии.

Солитаризовавшись с идеями Маркса и Энгельса, Белинский сожалел, что не может пропагандировать их идеи в России. Находясь под влиянием взглядов основоположников научного социализма, направленных против буржуазного государства и буржуазной идеологии, Белинский высказывал материалистические догадки о природе буржуазных идей «равенства» и «свободы». «Вечный работник собственности и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и провозволно не назначает за нее плату», — так отзывался Белинский о бесспорной свободе капиталистической эксплуатации.

В рецензиях на книги по вопросам истории Белинский высказывал мысли, от которых веет духом исторического материализма и классовой борьбы.

«Исходный пункт нравственного совершенствования, — писал Белинский в 1845 г., — есть прежде всего материальная потребность... Материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности».

Самые материальные потребности общественного человека Белинский рассматривал исторически, в их развитии. Причем

замечательно то, что он сумел увидеть в классовой борьбе одно из важных проявлений общественной жизни, хотя и не понимал еще, что эта борьба и есть та сила, которая движет вперед развитие общества. «Белинский разделение, царствующее между... представителями различных классов одного и того же общества», — писал он в 1846 году.

Белинский в основном правильно решил вопросы отношения личности к массе и их роли в истории. Он считал, что народные массы пока не активны, но их надо поднять в исторической деятельности. Белинский считал, что выдающиеся личности могут сыграть большую роль в истории лишь в том случае, если они держат связь с народом, глубоко знают его потребности и нужды.

Однако Белинский не мог понять историческую роль рабочего класса в современном обществе. Это явилось результатом непонимания им материализма и диалектики, результатом его идеалистического взгляда на историю.

VI.

Неразвитость экономических и политических отношений в России мешала Белинскому до конца познать законы общественного развития. Но всю свою жизнь «Неистовый Виссарий» глубоко верил, что народ, пробудившись от вековой спячки, выступит на историческую арену политической борьбы и создаст новый общественный строй и свою народную власть, где не будет эксплуатации человека человеком. Его вера в победу социализма превратилась у него в страсть, поглощающую все его чувства и мысли.

«Я теперь в новой крайности, — писал он Боткину 8 сентября 1841 года, — это идея социализма, — которая стала для меня идеом идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней».

Но социализм Белинского оставался все же утопическим. Белинский переоценивал значение просвещения и роль узкой прослойки разночинной революционной интеллигенции, полагая, что она может поднять народные массы на борьбу за создание нового строя. Однако утопический социализм Белинского во многом отличал от социалистических учений французских социалистов-утопистов, чужавшихся политической борьбы.

«Смешно и думать, — писал Белинский о социализме, — что это может сделать само собою, временем, без насильственных переворотов без крови».

Белинский был против власти крупной буржуазии, которую он считал «идеалистической раной» на теле общества. Капитализм, по убеждению Белинского, не представляет собою ни естественного, ни справедливого порядка.

Но в отличие от выступавших впоследствии русских народников Белинский признавал прогрессивность капитализма по отношению к предшествующей эпохе. Он считал, что нужно бороться не против капиталистической промышленности, а против тех последствий, которые она с собой несет. «...Я знаю, что промышленность источник великих бед, но знаю, что она только последствие зло в владычестве капитала, в его «тирании над трудом».

Белинский ратовал за развитие промышленности, просвещения в России, страстно желал процветания своей Родине. Но для этого нужно, считал он, прежде всего, уничтожить крепостничество. «Самые живые современные национальные вопросы в России, теперь, уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение возможности строгого выполнения тех законов, которые уже есть», — писал Белинский в своем знаменитом «Письме к Гоголю», являвшемся его духовным завещанием и программой русской революционной демократии середины XIX века.

Таким образом, Белинский первым в истории России выдвинул идею революционного преобразования общества и создания демократической власти народных масс для осуществления социализма. К этим идеям Белинского впоследствии примкнули Герцен, Чернышевский, Добролюбов и другие революционные демократы в России.

Белинский по праву назван Лениным, наряду с Герценом и Чернышевским, предшественником русского социал-демократического движения. Его историческая заслуга состоит в том, что он вместе с Герценом положил начало той идейной революции в России, которая подготовила прогрессивную часть русского народа к восприятию идей революционного марксизма.

Труды великого русского патриота, философа-материалиста, революционного демократа и литературного критика В. Г. Белинского сохраняют огромное значение для советского народа и теперь, помогая строить новую, социалистическую культуру. Критическое овладение научно-философским и литературным наследием Белинского является настоятельной необходимостью для всякого культурного советского человека.

П. ПАВЛОВ.

Белинский читает «Бедные люди» Достоевскому и Некрасову.

Рис. худ. В. Лебедева.

Н. А. НЕКРАСОВ.

УЧИТЕЛЮ.

«Белинский был особенно любим... Милей твоей многогрудой груди, Учитель! Перед именем твоим! Позволь смиренно преклонить колени! В те дни, как все кончилось на Руси, Дреми и рабостею позорно, Тремя умкнел — и новые стези Прокладывал, работая упорно. Ты не гнушался никак — трудом: «Чернорабочий я — не белоручка».

Говарил ты нам — я на пролом! Шел к истине, великий самоучка! Ты нас гуманно мыслишь научил, Едва ль не первый ты заговорил О равенстве, о братстве, о свободе... Не даром ты, мужая по часам, На взгяд глухих казался переменица, Но пред врагом заносив и упрямя, С друзьями был ты кроток и застенчив...

Это нам завидовал Белинский

«Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году, стоящую во главе образованного мира, дающей законы и науку и искусство и принимающей благожелательную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Это о нас писал В. Г. Белинский свои проникновенные слова, нам завидовал он.

Наша Родина — Союз Советских Социалистических республик — действительно стоит сейчас во главе всего образованного мира, освещая ему путь к коммунизму, к счастью и свободе.

Как не похвала наша жизнь на ту мрачную и тяжелую действительность, которая окружала великого критика! Его, гениального мыслителя, исключили из университетов якобы за «ограниченные способности», а на самом деле за то, что он не хотел пресмыкаться и угодничать перед самодержавием.

Мы — свободные люди свободной страны. Перед нами открыты все пути. Каждый из нас может учиться, где он захочет, выбрать любимую специальность, служить Родине там, где лучше всего можно проявить свои способности.

Я — десятиклассница. В этом году заканчиваю школу и еду учиться в институт. Буду геологом. Мои подружки собираются стать врачами, преподавателями, инженерами. Все мы думаем только об одном: отдать все свои силы и знания народу, как отдавал их сто лет назад В. Г. Белинский.

Оксана НИКОЛАЕВА, ученица 10 класса школы № 2 г. Курска.

Его пророчество стало явью

В огненном слове Виссария Белинского все передовое в стране находило себе поддержку, черпало силы.

В 7—8 классах Оренбургской женской гимназии в 1905—1906 гг. я и мои подружки с жадностью читали статьи «Неистового Виссария», обсуждали их, спорили, высказывали свои идеалы, искали пути служения народу.

И сейчас, через 42 года, как учительница, я вновь нахожу в словах Белинского путь к молодым сердцам своих учениц. Мы, старые учителя, с особой радостью и гордостью повторяем пророческие проникновенные слова Белинского о великом будущем нашей Родины. Это пророчество стало явью, действительностью.

Я воспитываю у своих учеников чувство гордости тем, что они принадлежат к великой нации Плеханова и Ленина. Белинского и Чернышевского, живут в эпоху, когда «все дороги ведут к коммунизму», а это значит — к счастью, свободе, справедливости, во имя которых жил, творил, боролся Белинский.

Мысли Белинского прочно входят в сознание учащихся. Многие выпускники 10-х классов нашей школы, например, в своих экзаменационных сочинениях на аттестат зрелости взяли эпиграфом или ввели в текст то или иное высказывание Белинского.

Прав был С. М. Киров, сказавший, что «это одно еще поколение будет с жадностью припадать к «мечтаньям» великого искателя».

А. НОВИНЬКОВА, учительница школы № 3 г. Курска.

Дорогами курскими...

В последние месяцы жизни Виссария Григорьевича Белинского в России действовала одна железная дорога Петербург—Царское Село протяжением в 24 километра. Поэтому путешествовать на большое расстояние было делом крайне сложным и дорогим. Ехать приходилось на лошадах.

Терпевший острую материальную нужду, Виссарий Григорьевич воспользовался в 1846 году возможностью посетить города русской черноземной полосы и Украины. Такая возможность представилась в связи с гастролями в этих городах его друга — великого актера М. С. Щепкина, нашего земляка. Конечной целью этого путешествия был Крым, где Белинский собирался лечиться.

Ехать вдвоем было дешевле, удобнее. К тому же Белинский был болен туберкулезом и особенно нуждался в дружеской заботе и внимании.

Однако вопрос о поездке решился не сразу. «Насчет путешествия с Михаилом Семеновичем — кажется, что поеду», — писал Белинский Герцену 20 марта из Петербурга, и только 26 марта мог определенно сообщить Боткину: «Я еду с М. С. Щепкиным в Новороссию (в Одессу и Крым)».

Белинский придавал очень большое значение этой поездке. «Что ты мне толкуешь о пользе для меня этой поездки?» — писал он Герцену 6 апреля. — Я сам слишком хорошо понимаю это, и еду не только за здоровьем, но и за жизнью. Дорога, воздух, климат, день, законная праздность, беззаботность, новые предметы и все это с таким спутником, как Михаил Семенович, да я от одной мысли об этом чувствую себя здоровее».

В конце апреля Белинский прибыл в Москву. «Едем мы 16, 17 или 18 мая, не прежде», — уведомлял он отсюда М. В. Белинскую.

Наиболее интересное для нас, курян, письмо было отправлено Белинским 10 июня из Харькова: «В Воронеж мы застали чудесную погоду... Ночью пошел дождь, и мы до Курска опять не ехали, а плыли и в Курск приплыли в четверг (6). В тот же день поехали в знаменитую Юренную ярмарку (за 28 верст от Курска). И уж подлинно поплыли, потому что жидкая грязь по колено... Ехали... слышим 4 часа и, наконец, увидели ярмарку, буквально по пояс сидящую в грязи, и дождь так и льет... В тот же вечер были в театре, и Михаил Семенович узнал, что он играть не будет... На другой день, около 2-х часов пополудни, поехали назад, в Курск. На полдороге встретился крестьянин, ходящий из Курска носить образ боготери в монастырь, при котором стоит ярмарка. Вообразил тысяч 20 народу, в разбитой и грязной по колено в грязи, и который, пройдя 27 верст, ляжет спать под открытым небом, в грязи, под дождем, при 5 градусах тепла».

«В Курске переменили лошадей, закусили и пустились плыть на Харьков», — продолжал он письмом. — «Еду в Курск из Воронежа, имели удовольствие заснуть в грязи, и наш экипаж, вместе с нами (потому что выйти было никакой возможности), вытаскивали мужики».

Уже через много лет после смерти Белинского Щепкин вспоминал о их совместной поездке, да я от одной мысли об этом чувствую себя здоровее».

Видя, да я от одной мысли об этом чувствую себя здоровее».

Видя, да я от одной мысли об этом чувствую себя здоровее».

Видя, да я от одной мысли об этом чувствую себя здоровее».

Видя, да я от одной мысли об этом чувствую себя здоровее».

В. ПОКРОВСКИЙ, В. САМСОНОВ.